

Зотов Рафаил Михайлович

Театральные воспоминания

**Автобиографические записки Р.
Зотова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р26

Р26 **Рафаил Михайлович З.**
Театральные воспоминания: Автобиографические записки Р. Зотова / Зотов Рафаил Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 119 с.

ISBN 978-5-519-86418-3

ISBN 978-5-519-86418-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

цужы,—были для меня совершенно чужды. Я однакожь тотчасъ же затвердилъ ихъ, а самъ передъ прочими сотоварищами хвасталъ, что часто во Псковѣ видѣлъ нѣмецкій театръ и что хорошо умѣю по-нѣмецки. Въ доказательство прочиталъ я имъ на афишѣ все, что было на этомъ языкѣ напечатано, и это нѣсколько подняло меня въ ихъ мнѣніи, которое было очень неблагоклонно сначала, когда узнали, что я ни слова не умѣю по-французски.

Увѣряя ихъ въ моемъ знаніи нѣмецкаго языка, я много прихвастывалъ, видя, что мои сотоварищи столько же не знаютъ по-нѣмецки, сколько я по-французски, но въ знакомствѣ моемъ съ нѣмецкимъ театромъ во Псковѣ я говорилъ сущую правду. Тамъ цѣлую зиму играла какал-то труппа, и отецъ мой, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ тогдашняго губернатора, графа Ламздорфа, занималъ его ложу, когда самъ графъ не бывалъ въ театрѣ, а чаще всего онъ съ нимъ вмѣстѣ тамъ бывалъ.—Гдѣ, въ какой улицѣ, въ какомъ домѣ былъ устроенъ этотъ театръ, я ужъ теперь не помню,—знаю только, что это было въ какомъ-то зданіи. въ которомъ были двѣ длинныя залы одна подлѣ другой. Въ одной уставлены были ряды стульевъ и въ глубинѣ возвышалась сцена. Ложъ не было, кромѣ ложи для губернатора, которая поставлена была на четырехъ столбахъ въ заднемъ углу залы, а входъ въ нее былъ изъ другой, боковой залы, гдѣ одѣвались актеры и актрисы и гдѣ хранились декорации, гардеробъ и проч.

Сюда-то однажды привелъ меня отецъ въ бытность самого губернатора, который, приласкавъ меня, сказалъ, что я всякой день могу ходить въ его ложу. Послѣ этого всѣ присутствующіе занялись спектаклемъ, а я публикою.—Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на сцену, мнѣ стало скучно глядѣть на людей, говорящихъ на непонятномъ мнѣ языкѣ, и я сталъ разсматривать, нѣтъ ли гдѣ знакомыхъ мнѣ дѣтей.

Когда кончился спектакль и я воротился домой, то мать, отецъ и домашніе спрашивали меня о томъ, что я видѣлъ, и я рассказалъ имъ обо всѣхъ, кто были въ театрѣ, но о піесѣ, о сценѣ, объ актерахъ не могъ ни слова сказать: я ихъ просто не видалъ.—Въ наказаніе ли за это, или чтобъ пріучить меня къ нѣмецкому языку, отецъ мой приказалъ, чтобъ я продолжалъ ходить въ губернаторскую ложу.—Увы! я принужденъ былъ это исполнять; но придя туда и видя себя однимъ, я очень комфортабельно ложился на диванъ и засыпалъ на все время представленія. Сторожъ будилъ меня при окончаніи, а я дома сочинялъ небывалую басню о видѣнной будто бы мною піесѣ.

Только однажды помню, что одно происшествіе на сценѣ сильно поразило меня. Не знаю, какую давали піесу, но одно дѣйствующее лицо провалилось подъ полъ и оттуда показалось плмя. Я испугался и хотѣлъ уйти, но видя, что вся публика очень довольна, успокоился, и воротясь домой, рассказалъ объ этихъ чудесахъ. Надо мною смѣялись... но съ тѣхъ поръ я пересталъ ходить въ театръ, а вздумалъ для забавы домашнихъ играть дома вѣмецкія піесы.

Для этого я взлѣзалъ на лежанку (это была моя сцена), и взявъ въ руки *нѣмецкіе діалоги*, съ жестами и крѣчками читалъ: *wie befinden sie sich?—Gott sei dank*, и т. п.

Вскорѣ весь этотъ эпизодъ моего младенчества изгладился изъ моей памяти, и когда я въ домѣ Козлянинова увидѣлъ театральныя афиши и узналъ, что мы должны были въ тотъ день ѣхать слушать оперу *les Voitures versées*, то дѣйствительно — это было мое первое театральное знакомство.

И оно было очень поверхностно.—Не только я, ни слова не понимавшій по-французки, и еще менѣе въ музыкѣ Далейбрака, но и мои сотоварищи не слушали ни актеровъ, ни пѣнія, а по-моему смотрѣли на публику, сообщая другъ другу свои замѣчанія о зрителяхъ. (Въ послѣдствіи я замѣтилъ, что и всѣ дѣти точно также поступаютъ. Ихъ могутъ занять сраженія, превращенія, танцы, но музыка и разговоры на сценѣ для нихъ очень скучны, и тѣ родители дурно дѣлаютъ, которые съ малолѣтства приучаютъ дѣтей къ театру).

Такимъ образомъ первое мое посѣщеніе петербургскаго театра не произвело надо мною никакого впечатлѣнія. Вскорѣ въ судьбѣ моей произошла перемѣна. Меня приняла къ себѣ на воспитаніе О. Н. Елагина (домъ ея былъ угольный на Сергіевской улицѣ противъ Таврическаго сада). Это была олицетворенная доброта. Она давно уже покоится на лонѣ вѣчнаго блаженства, и голосъ признательности благодѣтельствованнаго ею ребенка будетъ слабою данію его сердца за всѣ ея милости. У нея было два сына: Анфиногенъ Львовичъ и Левъ Львовичъ. Ихъ тоже давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и я въ послѣдствіи уже не сходилъ съ ними. Не знаю даже, оставили ли они послѣ себя какое потомство. Но все равно, я исполняю священный долгъ, принося душевную благодарность добрейшей и прекраснѣйшей ихъ матери, которая была мнѣ истинною матерію болѣе трехъ лѣтъ моего дѣтства.

Младшій сынъ ея былъ моимъ единственнымъ товарищемъ въ ученьѣ и гораздо старше меня по возрасту и образованію.—Тогда была мода навимать французскихъ гувернеровъ и учи-

телей. Сперва помню, что у насъ ихъ было два, потомъ одинъ; но они оказались людьми неблагонадежными — и скрылись. Наконецъ поступилъ къ намъ пѣкто вѣмецъ Краузе, который и утвердился прочно.

Еще теперь, вспоминая о его урокахъ, долженъ я дивиться разнообразности его свѣдѣній. Онъ зналъ отлично, кромѣ вѣмецкаго, французскій и италіянскій языки,—и кромѣ всѣхъ общихъ, положительныхъ наукъ, былъ еще отличный музыкантъ, — такъ что, преподавая намъ уроки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сформировалъ у г-жи Елагиной и оркестръ домашнихъ музыкантовъ, который всегда игралъ за обѣдомъ подлѣ столовой.

Здѣсь разумѣется мы часто ходили въ театръ, — но изъ всего, что я помню, произвели надо мною впечатлѣніе только два спектакля, а именно: *Русалка*, — и трагедія Княжнина *Дидона*. Въ первой изумленъ я былъ превращеніями и машинами, а во второй новымъ и совершенно чуждымъ для меня языкомъ поэзіи. Изъ «Русалки» заимствовалъ я для своихъ лѣтскихъ игръ всѣ превращенія и усилялъ очень искусно сдвигать на шелчинкахъ костюмы моихъ куколъ. Изъ «Дидоны» же часто я декламировалъ стихи и кричалъ еще громче Шущерина.

Во Французскій театръ возили насъ гораздо чаще, чтобъ пріучить насъ къ этому языку; но ни одна пѣса не произвела надо мною ни малѣйшаго впечатлѣнія, которое бы сохранилось въ моей памяти.

Кажется, въ это же самое время существовала и Италіянская опера Казасси, но мы никогда туда не ѣздили. Только по одному домашнему празднику у О. И. Елагиной, помню я объ италіянскихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ. — Однажды весь домъ, и безъ того уже блиставшій всегда великолѣпіемъ, изукрашенъ весь самымъ праздничнымъ и торжественнымъ образомъ. Даже уроки наши должны мы были кончить до завтрака (въ 11 часовъ), чтобъ потомъ заняться нашимъ туалетомъ. — Больше всего заботились о нарядности моего товарища по ученью, младшаго сына Елагиной. — Мать объявила ему, что въ тотъ день пріѣдетъ къ ней обѣдать министръ Иностранныхъ Дѣлъ, князь Черторыжскій, для объявленія о пожалованіи ему чина переводчика Иностранной Коллегіи. Льву Львовичу было тогда 15 лѣтъ, — и мы, узнавъ о причинѣ праздника и о пожалованіи нашего сотоварища, почему-то вздумали, какъ лѣтъ, смѣяться надъ нимъ, что онъ чиновникъ и Титулярный Совѣтникъ (переводчикъ былъ тогда въ 9-мъ классѣ). — Но

видно и самъ пожалованный худо понималъ важность своего новаго сана. Онъ обидѣлся нашими насмѣшками и заплакалъ. — Чтобъ успокоить его, мы должны были обѣщать ему, что никогда не будемъ называть его Титулярнымъ Совѣтникомъ.

Послѣ великолѣпнѣйшаго обѣда былъ въ тотъ день концертъ для министра. — и я впервые слышалъ италіянское пѣніе и пѣвцовъ. Вѣрно мои музыкальные органы были еще очень не развиты, потому что Маджорлетти не произвела на мною никакого впечатлѣнія, — и уже долго спустя, когда я по слухамъ узналъ объ артистической ея славѣ, вспомнилъ я, что уже слышалъ ее въ дѣтствѣ.

Здѣсь кончается періодъ дѣтскихъ моихъ театральныхъ воспоминаній. Они совершенно ничтожны, — и я вовсе не намѣренъ увѣрять, чтобъ преждевременно имѣлъ какую-либо склонность къ драматургіи, музыкѣ и сценическому искусству. — Все въ человѣкѣ развивается случайно, по мѣрѣ обстоятельствъ и окружающихъ предметовъ. Рѣдко сбывается всякое предназначеніе, дѣлаемое въ молодыхъ лѣтахъ. — Сколько могу помнить, — отецъ мой не имѣлъ никакихъ особенныхъ плановъ на мое будущее поприще. Онъ мнѣ только говорилъ: «учись и будь порядочнымъ человѣкомъ». — Много тревоженій прошелъ я, но исполнилъ его волю.

Прекрасная жизнь моя у О. И. Елагиной продолжалась съ чѣмъ-то три года. — Отецъ мой былъ тогда на службѣ въ Дунайской арміи и не воображалъ, что со мною можетъ произойти кака-нибудь перемѣна, зная, что оставилъ меня на попеченіи самой благотѣльной особы. — Увы! случились неожиданные перевороты. — По стеченію разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ О. И. Елагина должна была навсегда уѣхать въ деревню. Сыновья ея были на службѣ и оставались въ Петербургѣ, но я, малолѣтний и безпріютный, которому надобно было продолжать учиться, не могъ ни слѣдовать въ деревню за своею благотѣльницею, ни оставаться въ пустомъ домѣ. — О мѣстопробываніи отца моего никто не зналъ: — тогда почтовые сношенія были не очень надежны, да я и не знаю, увѣдомили ли его о неожиданномъ несчастіи О. И. Елагиной.

Учитель Краузе вступился въ это горе. Его увѣрили, что отецъ мой, возвратясь, понаградитъ его за все, — и я остался жить у добраго и ученаго Нѣмца, который самъ еще не зналъ, чѣмъ онъ будетъ существовать на чужой сторонѣ. — Дѣйствительно, много плановъ составлялъ онъ къ основанію пансіоновъ и даже лицеевъ, — и на все это было у него довольно ума и познаній, но недоставало бездѣлицы: денегъ и

протекціи. Кончилось тѣмъ, что онъ пошелъ опять учителемъ въ частный домъ (къ г. Варенцову), — а я остался съ супругою его на вольной квартирѣ.

Разумѣется, ученіе мое не могло тутъ подвигаться, и я только выучился по-нѣмецки, потому что жена Краузе была Нѣмка. По счастію у Краузе была довольно большая библіотека учебныхъ и ученыхъ книгъ, а я съ малолѣтства былъ пристрастенъ къ чтенію. Этимъ пріобрѣталъ я непримѣтно разныя свѣдѣнія, самъ не примѣчая того.

Это положеніе продолжалось почти три года, и добрый мой Краузе началъ отыскивать вездѣ знакомыхъ моего отца, спрашивая о немъ тѣхъ людей, съ которыми умѣлъ познакомиться въ домѣ О. И. Елагиной. Тѣ указали ему на П. А. Кожевникова, жившаго у Преображенскихъ казармъ. Дѣйствительно, тотъ принялъ Краузе наилучшимъ образомъ и снабдилъ его всѣми средствами, чтобъ экипировать меня и продолжать ученіе, обѣщая написать обо всемъ отцу моему, который былъ тогда въ арміи, дѣйствовавшей въ Пруссіи противъ Наполеона.

Слѣдствіемъ этой переписки было то, что отецъ велѣлъ меня взять отъ Краузе, заплатить ему за все, а меня отдать въ гимназію. П. А. Кожевниковъ исполнилъ это и взялъ меня къ себѣ въ домъ, отдалъ на половинный пансіонъ въ гимназію (тогда это стоило 250 руб. ассигн. въ годъ). Я былъ въ восторгѣ отъ этой переменны въ моей судьбѣ. Отъ Преображенскихъ казармъ надобно мнѣ было всякой день ходить въ Большую Мѣщанскую въ 7 часовъ утра и возвращаться оттуда въ 6 вечера; по одинадцати—лѣтній мальчикъ думаетъ ли объ усталости?

Я столько обязалъ благотѣльнымъ попеченіямъ П. А. Кожевникова, что всѣ мои благодарственные фразы не выразили бы и сотой доли моихъ душевныхъ къ нему чувствъ и сдѣланнаго имъ мнѣ добра. У него было многочисленное семейство — и домъ былъ по тогдашнему въ числѣ принадлежавшихъ къ лучшему петербургскому обществу. — Въ малолѣтствѣ мало мы чувствуемъ свое сиротство, не понимая всѣхъ общественныхъ и семейныхъ отношеній. Тѣмъ менѣе могъ я чувствовать свое одиночество, будучи принятъ какъ родной и пользуясь всѣми ласками лоблаго моего благодѣтеля наравнѣ съ родными его дѣтьми. — Ихъ было у него шестеро. Гдѣ они? что съ ними осталось? — не знаю. Судьба разбрасываетъ людей въ такія разнобразныя сееры, что имъ никакъ потомъ не сойтись, — и я ничего не знаю о дальнѣйшей судьбѣ этого дома; — помню толь-

ло, что былъ тамъ самымъ счастливымъ человекомъ и со слезами благодарности думаю иногда объ этомъ добромъ и благо-родномъ семействѣ.

Н. А. Кожевниковъ былъ родственникомъ знаменитаго Державина и я не разъ видалъ этого маститаго старца, покопшавшагося уже на стяжанныхъ имъ лаврахъ. — Мы бывали у него въ Знамяхъ, прелестной деревнѣ на берегахъ Волхова, и онъ часто читалъ намъ свои стихи. — Нѣтъ сомнѣнiя, что эти первыя впечатлѣнiя должны были родить въ сердцѣ каждаго юноши страсть къ поэзiи и литературѣ. Съ благоговѣнiемъ смотрѣлъ я всегда на этого великаго человека и забывалъ все, когда его слушалъ.

При поступленiи моемъ въ гимназiю оказались странныя послѣдствiя моего безтолковаго воспитанiя. Русскiй языкъ я почти совсѣмъ забылъ, а о грамматическихъ его правилахъ не имѣлъ и понятiя, слѣдственно по этому важному предмету назначенъ былъ во 2-й нижнiй классъ (тогда были во 2-мъ и 3-мъ подраздѣленiя на нижнiй и высшiй). За то французскiй и нѣмецкiй языки я зналъ почти лучше всѣхъ учениковъ, и назначенъ былъ въ 4-й классъ для этихъ предметовъ. Географiю и Исторiю зналъ я безсознательно, то-есть начитавшись всѣхъ этихъ книгъ, и удивилъ своихъ экзаменаторовъ, какъ своими познанiями въ нѣкоторыхъ частяхъ, такъ еще болѣе своимъ невѣжествомъ въ другихъ. По этимъ предметамъ назначили меня въ 3-й нижнiй. По Арифметикѣ остался я во 2-мъ. Подобное раздѣленiе между разными классами покажется страннымъ, но теперь я понимаю, что оно приноситъ большую пользу, возбуждая соревнованiе мальчика, чтобы усиленными старанiями добратъся и въ остальныхъ предметахъ до высшаго класса.

И это мнѣ дѣйствительно удалось. — При ежедневномъ моемъ путешествiи изъ дома въ гимназiю я дорогою училъ уроки и зналъ ихъ лучше всѣхъ, а дома занимался, чтобы перегонять дальше своихъ сотоварищей, такъ что вскорѣ по русской грамматикѣ приняли меня въ тотъ же классъ, какъ и по Географiи и Исторiи. Но въ математикѣ подобно было знать первую часть Геометрiи (Планиметрiю), чтобы попасть туда, и я съ жаромъ принялся за эту работу. — Смѣшно теперь и подумать о самонадѣянности дѣтскаго ума! Я вытвердилъ наизусть Планиметрiю и смѣло явился на экзаменъ къ учителю математики. Тотъ задалъ мнѣ задачу самую незначительную (о равенствѣ угловъ при пересѣченiи двухъ прямыхъ линiй), — и я тотчасъ же, какъ попугай, повторилъ ему все, что выучилъ. Другая задача имѣла тотъ же блистательный успѣхъ. —

При третьей учитель не хотѣлъ даже, чтобъ я на доскѣ написалъ се, просто требовалъ, чтобъ я на словахъ объяснилъ ему доказательства теоремы. Это снисхожденіе погубило меня. Нѣсколько разъ порывался я съ мѣломъ къ доскѣ, чтобъ начертить фигуру и поставить роковыя буквы: учитель останавливалъ меня и требовалъ словеснаго объясненія. Я принужденъ былъ сознаться, что не въ состояніи исполнить требуемаго. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ вопросовъ открылось, что я ровно ничего не знаю и что только затвердилъ полкниги буквъ и формулъ. Учитель отказалъ мнѣ въ переводѣ въ высшій классъ — и я со слезами отправился къ учителю своего класса, которому рассказалъ всю свою неудачу. Тотъ расхохотался моему способу изученія математики и вмѣстѣ со мною пошелъ къ экзаменатору, котораго успѣлъ убѣдить наконецъ, что мальчикъ, умѣвшій затвердить полкниги неизвѣстной ему науки, вѣрно догонитъ другихъ при нѣкоторомъ объясненіи со стороны учителя.

Такимъ образомъ попалъ я и въ этомъ предметѣ въ 3-й классъ и оправдалъ рекомендацію прежняго своего учителя, сдѣлавшись первымъ ученикомъ въ математикѣ.

И въ этомъ-то классѣ начинается мое настоящее знакомство съ театромъ, то-есть съ драматическою литературою. Нѣкто, умнѣйшій и добрѣйшій гувернеръ, Гуммельсходатайствовалъ намъ у директора дозволеніе играть между собою классическія трагедіи на русскомъ и французскомъ языкахъ. Это была великая для насъ эпоха. Забыты были всѣ дѣтскія игры и шалости, и всѣ съ жаромъ принялись за это полезное и благородное препровожденіе времени. Самъ Гуммель былъ нашимъ раздавателемъ ролей и я удостоился получить Эдипа въ Афинахъ Озерова, а потомъ и Дмитрія Донскаго.

Не могу судить теперь, каково мы играли, но намъ казалось, что превосходно. Добрый Гуммель нѣсколько разъ возилъ насъ въ театръ, чтобъ мы видѣли и настоящихъ артистовъ, и сколько помню, я съ рабскимъ подражаніемъ копировалъ Шушерины и Яковлева въ упомянутыхъ двухъ роляхъ.

Часто бывали мы и во Французскомъ театрѣ, но изъ вѣсти, видѣнныхъ мною тогда, помню я только драму *L'abbé de l'Épée* и Мольеровы комедіи: *Тартюфъ* и *Мизантропъ*. Не знаю почему, но Русскій театръ мнѣ тогда гораздо больше понравился, нежели Французскій.

Видя страсть мою къ театру, добрый мой опекунъ (почему я П. А. Кожевникова звалъ всегда опекуномъ, не знаю; опеки видѣть было не надъ чѣмъ: у меня ничего не было) посылалъ

меня по праздникамъ въ спектакли, снабжал деньгами. Сперва было помѣщалъ онъ меня въ партеръ по 1 руб. ас., но потомъ мнѣ гораздо лучше понравилось въ 50-тикопѣчныхъ мѣстахъ, гдѣ ростъ мой не мѣшалъ мнѣ видѣть всей сцены. Тогда-то явилась въ С Петербургѣ знаменитая Жоржъ, и какъ мои сценическія понятія ни были ограничены, но игра ея привела меня въ восторгъ. До-тѣхъ-поръ восхищался я на Русскомъ театрѣ А. Д. Каратыгиной (матерью бывшаго потомъ знаменитаго нашего трагика) и мнѣ казалось, что выше драмы «Графъ Вальтронъ» и игры Яковлева и Каратыгина нѣтъ уже ничего на свѣтѣ; но появленіе Жоржъ измѣнило всѣ мои идеи. Первый дебютъ ея въ «Федръ» былъ блистателенъ, но не совсѣмъ еще убѣдилъ меня въ ея превосходствѣ. За то въ *Ифгеніи* (роль Клитемнестры) она была неподражаема. Ея монологъ:

Vous ne dementez point une race funeste,

Oui, vous êtes du sang d'Atrée et de Thieste.

привелъ всю публику въ неизобразимый восторгъ. Всѣ прочіе актеры исчезали передъ нею. Агклины—Агамемнонъ, Мепіель—Ахиллъ, г-жа Вольней — Эрифила, которыя были до тѣхъ поръ любимцами публики, теперь были забыты, и Жоржъ, одна Жоржъ сдѣлалась кумпротъ нашей столицы.

Возникла тогда и на русской сценѣ молодая актриса, которой приверженцы увѣряли, что она сравняется со-временемъ съ Жоржъ; но никто этому не вѣрилъ. Она отличалась только красотою, пѣвучестію голоса, греческими формами и благородствомъ игры,—это была Катерина Семеновна Семенова, которая потомъ не только сравнилась съ Жоржъ, но и преизшла ее.

Между тѣмъ наши ученическія спектакли въ гимназій продолжались, — и мнѣ, какъ одному изъ главныхъ актеровъ, вздумалось написать собственную свою піесу. У моего опекуна была отличная бібліотека — и онъ предоставилъ мнѣ ее безпрепятственно. Случайно попала мнѣ вновь вышедшая тогда на русскомъ языкѣ книга: *Оссіанъ, сынъ Фингаловъ*, — и я приведенъ былъ въ восторгъ этою сѣверною поэзіею, Вскорѣ потомъ увидѣлъ я на русской сценѣ трагедію *Фингалъ* Озерова, взятую изъ этой же книги, — и дѣтское мое самолюбіе внушило мнѣ, что и я могу написать *трагедію*.—Вздумано—сдѣлано,—и я вскорѣ явился къ нашему доброму Гуммелю съ 5-тиактною піесою въ стихахъ: *Кушуллинъ*.

Увы! Несмотря на все свое снисхожденіе, Гуммель сказалъ, что эту трагедію нельзя играть, но чтобы я продолжалъ свои попытки, показывая ему прежде *планы* своихъ піесъ.

Эта неудача охладила меня. Я считалъ ее несправедливостію. *Планы піесъ!* я — и не понималъ этого слова. Къ чему, думалъ я, планы, когда полъ руками книга, изъ которой дѣлаешь піесу? — Въмѣсто трагедіи рѣшился я перекладывать въ стихи всего Оссіана и показывать свои произведенія моему учителю Русской Словесности, который былъ ими доволенъ. Добрый человекъ! — На немъ лежатъ грѣхъ, что я пристрастился къ поэзіи и драматургіи, тогда какъ первоначально имѣлъ вовсе другія учебныя склонности.

Я выше рассказывалъ, какъ первою моею попыткою въ изученіи математики было затверженіе наизусть полукнижки Геометріи Фуса. Когда мы потомъ растолковали, въ чемъ дѣло, я пристрастился къ этой наукѣ — и вскорѣ сдѣлался въ ней первымъ ученикомъ нашего класса, — сохранивъ это почетное мѣсто и при переходѣ въ 4-й. Здѣсь способности мои еще болѣе развились съ увеличеніемъ круга учебнаго курса, — и я сдѣлался преподавателемъ всѣхъ отстающихъ моихъ сотоварищей. — Это было очень лестно для дѣтскаго моего самолюбія — и я помню, что часто удивлялъ своего учителя смѣтливостію, вымыслами и быстротою рѣшеній. — Всѣ товарищи предсказывали, что изъ меня выйдетъ прекрасный математикъ. Я можетъ быть тоже воображалъ; но судьба рѣшила, чтобъ я остановился на той точкѣ, до которой достигнулъ, и дальше не шелъ. Небольшое, обыкновенное, самое всеневное событіе заставило меня вовсе отказаться отъ математики.

Я былъ первымъ ученикомъ, и никто не думалъ оспаривать этого достоинства. Вдругъ однажды посѣтилъ гимназію одинъ изъ высшихъ сановниковъ, котораго два сына воспитывались тутъ же. Онъ обошелъ все заведеніе и зашелъ даже въ классы. Въ 4-мъ была въ эти часы математика, и послѣ нѣсколькихъ незначущихъ вопросовъ, важный сановникъ спросилъ между прочимъ: «а кто у васъ первый ученикъ?» Ни минуты не раздумывая, учитель вывелъ и представилъ ему сына его.

Я испыхнулъ, у меня на глазахъ навернулись слезы, и какъ скоро сановникъ вышелъ изъ класса, то и я вслѣдъ же за нимъ, объявля, что никогда уже учиться математикѣ не буду. Напрасно учитель убѣждалъ меня не сердиться за его минутную лестъ, которая по его словамъ была необходима, не только для удовлетворенія отца и личныхъ выгодъ учителя, но и для пользы самаго заведенія. Могъ ли самолюбивый мальчикъ понять всѣ эти условія общежитія, для которыхъ

люди на каждомъ шагѣ жертвуютъ истиною? Могъ ли я въ дѣтскомъ умѣ своемъ сообразить, что бросаю ученіе такой важной и полезной науки, я никому вреда не сдѣлаю кромѣ себя? Кто знаетъ, какую переиѣну въ судьбѣ моей имѣла эта *невинная политика* учителя!

Начальникъ нашъ, инспекторъ Энгельбахъ, и ласкою и угрозою принудилъ меня ходить въ классъ математики, а учитель не разъ дѣлалъ мнѣ вопросы, но я всегда отвѣчалъ «не знаю.» Только по дѣтскому самолюбію, когда кто-либо изъ сотоварищей моихъ затруднился въ отвѣтѣ и останавливался въ рѣшеніи задачи, то я ему громко подсказывалъ, чтобъ доказать тѣмъ свои познанія.

Зато я съ жаромъ принялся за поэзію и къ публичному экзамену представилъ множество стихотвореній въ лирическомъ родѣ. Не смотря на свое отступничество отъ математики, принужденъ я былъ подтвердить все пройденное въ 4-мъ классѣ, чтобы быть переведеннымъ въ 5-й. Учитель былъ такъ добръ, что сохранилъ мнѣ всѣ прежніе балы и не вызывалъ къ доскѣ на экзаменѣ. Но инспекторъ и директоръ (баронъ Дольстъ) въ разговорѣ съ попечителемъ (Н. Н. Новосильцовымъ) рассказали ему о моихъ математическихъ способностяхъ и о моемъ дѣтскомъ глѣбѣ, и тотъ вдругъ потребовалъ меня къ доскѣ, гдѣ самъ и задалъ мнѣ задачу. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ посмотрѣлъ я на него, видя, что она слишкомъ незначища и легка, а именно: Пифагорова теорема. Пренебрегая *геометрическимъ* рѣшеніемъ, я тотчасъ же сдѣлалъ *алгебраическое* (тогда только начинали преподавать примѣненіе Алгебры къ геометріи), и попечитель удостоилъ спросить: почему я не сдѣлалъ обыкновеннаго рѣшенія? Я смѣло отвѣчалъ, что Геометрическое слишкомъ извѣстно. Другихъ вопросовъ онъ мнѣ не дѣлалъ, но инспекторъ послѣ экзамена сказалъ мнѣ, что онъ велѣлъ продолжать мнѣ учиться математикѣ, тѣмъ болѣе, что въ 5-мъ классѣ былъ другой учитель.

Но жребій былъ брошенъ; я конечно учился, но уже наравнѣ съ другими. Коническія сѣченія, дифференціальныя и интегральныя исчисленія не пошли во мнѣ уже прежняго страстнаго любителя, и я помню, что былъ уже *девятымъ* по математикѣ. Впрочемъ, въ этомъ классѣ многое для меня измѣнилось. Мои сочиненія и стихи подвергались уже строгой критикѣ; спектакли прекратились, потому что Гуммель вышелъ изъ гимназіи и поступилъ въ государственную службу. Онъ можетъ быть много выигралъ, но мы очень много потеряли,